

Посвящается людям — Андреа, Лукасу и Перл, а также кошкам, которых я знал и которыми мечтал стать, — Лапсангу, Тифу, Профессору Хиггинсу, Спирит, Ангусс Поппи и конечно же Морису.

*Будь осторожен со своими желаниями. —
Старая поговорка, которую любят
повторять несчастные люди по всему
миру.*

Тайна

Есть у меня одна тайна, которую я вообще-то не должен вам раскрывать. Но я это сделаю, потому что не могу удержаться. Слишком уж она важная. Слишком прекрасная. Ладно, усадьтесь поудобнее, приготовьтесь, запаситесь на всякий случай шоколадом. Обнимите большую диванную подушку. Вот моя тайна:

Кошки — волшебные существа.

Это так.

Кошки. Они волшебные.

У них есть силы, о которых мы с вами и мечтать не смеем.

Впрочем, я знаю, что вы сейчас думаете. Вы думаете: «Чепуха, вовсе они не волшебные. Кошки — это просто милые маленькие пушистики, которые день-деньской дрыхнут возле батареи».

На что я отвечу: «Да, они хотят, чтобы вы думали именно так». А вы скажете: «Да это же просто слова, написанные на бумаге каким-то писателем со скучным именем, а писателям верить нельзя, это все знают, потому что их работа — выдумывать всякие небылицы».

Да, надо признать, в чем-то вы правы.

Но сказки и рассказы — это не всегда небылицы. Наше воображение рассказывает нам истории — отсюда и слово «рассказ», и задача писателя — вытащить их на свет божий. Во многих наших фантазиях гораздо больше правды, чем в том, что мы проходим на уроке математики; это просто немного другая правда, чем та, что $76 - 15 = 61$.

Так что да, все те миллионы кошек, что рыскают по нашей планете, умеют делать что-то особенное. Например:

1. Они умеют понимать тысячи разных звериных языков (включая язык песчанок, антилоп и абсурдно сложный язык золотых рыбок).
2. Они умеют сохранять равновесие на заборе.
3. Они могут уснуть в любом месте — на коленях, на кухонном полу, на телевизоре, включенном на полную громкость.
4. Они способны учуять сардины на расстоянии в две мили.
5. Они умеют мурчать. (Поверьте мне, это настоящее волшебство.)

6. С помощью усиков они могут чувствовать приближение собак.

7. ***** _ ***** ** _ ** **********.

Давайте пока остановимся здесь, на пункте семь. Я вынужден согласиться, что пункты от первого до шестого кажутся вполне обыкновенными. Вы и без меня наверняка знали все это, даже если и не понимали, что это волшебство. Дело просто в том, что когда слишком часто видишь волшебные вещи, то перестаешь им удивляться. И не поймите меня неправильно: это ни в коем случае не конец списка. Вообще-то список этот настолько длинный, что займет десять книг размером с эту, и глаза у вас покраснеют от долгого чтения уже на пункте 9080652: «Радар для обнаружения батарей».

Так что почему бы нам не остановиться на пункте семь? Эта седьмая кошачья сила — самая важная из всех, по крайней мере для той сказки, которую я собираюсь вам рассказать. (Если же вы хотите почитать что-нибудь про радар для обнаружения батарей, я бы очень рекомендовал вам выдающуюся книгу А.Б. Крамба «Теплые лапки», которая, вне всяких сомнений, является лучшей в своем жанре.)

Впрочем, вам наверняка интересно, что значит «***** _ ***** ** _ ** **********». Ну, всему свое время. Не жадничайте. В каждой главе будет предостаточно тайн. Дело в том, что номер семь — это очень важный номер. Я не могу просто так, без подготовки, рассказать вам его содержание, и поэтому мне пришлось поставить звездочки вместо букв. Если я прямо сейчас выложу вам все, вы либо мне не поверите, либо сразу поймете слишком многое. А это опасно.

Так что не волнуйтесь: придет время, и вы все узнаете.

А пока что я хочу предупредить вас: люди, которым пришлось самим с этим столкнуться и понять, насколько это страшно — а зачастую и смертельно опасно! — больше никогда уже не могут смотреть на кошек прежними глазами. Один из таких бедолаг — несчастный мальчик по имени Барни Ив, и он ждет вас на следующей странице.

Барни Ив

Барни был не самым счастливым мальчиком на свете — впрочем, и самым несчастным его тоже не назовешь. В Новой Зеландии жил мальчик по имени Дирк Драдж, которому не повезло гораздо больше. Беды его были связаны с ударом молнии и одним неприятным происшествием, в которое были вовлечены ядовитый паук и туалет, но наша история не о нем. Так вот: Барни жил вместе с мамой в городе Блэнфорд, что в Блэндфордшире — а это такое унылое место, что вы наверняка даже и не слышали о нем ни разу.

Что касается внешности, то ростом Барни был примерно с вас, но веснушек у него было чуть побольше. Уши у него торчали, так что голова напоминала некое переносное устройство с ручками по бокам. Волосы были кудрявыми и никогда не лежали как полагается, а щечки были как раз такие, за которые так любят больно ущипнуть пожилые тетушки, хотя Барни вообще-то давно уже было не пять лет, а почти целых двенадцать. Те же самые пожилые тетушки вечно спрашивали его на улицах: «Ты потерялся?» — независимо от того, потерялся он или нет. Просто вид у него и правда был всегда немного потерянный.

Лучший друг Барни — точнее единственный — звался Риссой и был девочкой, но они так хорошо дружили, что вопросы пола никого не волновали.

Родители Барни были в разводе.

— Это было бы нечестно по отношению к тебе, Барни, — говорила его мама, — если бы мы продолжали жить вместе, ругаясь, как кошка с собакой.

Но самое ужасное было не в этом... Вообще-то, я сейчас, пожалуй, пойду, и пусть книга сама расскажет вам обо всем. Слишком уж все это тяжело и волнительно.

Так вот, самое ужасное заключалось в следующем: двести одиннадцать дней назад (Барни считал) его папа исчез. С тех пор он больше никогда его не видел и встречался с ним только во сне.

Да, Барни очень часто снился папа.

Вот, например, прямо сейчас он тоже снился ему.

Они были в пиццерии вдвоем, только он и папа — как в последний раз, когда они виделись.

— Какая вкусная пицца, — сказал папа.

— Пап, я не хочу говорить про пиццу. Я хочу поговорить про тебя.

— Ну очень вкусная пицца!

Но тут с потолка опустился огромный язык, слизнул столы и пиццы, и Барни ощутил его шершавое прикосновение у себя на лице.

Он проснулся. Смутно припоминая, что сегодня его день рождения.

— Нет, Гастер, отстань!

Гастер был его собакой, спаниелем породы Кинг чарльз. Отец взял его в собачьем приюте, но Гастер тогда не предупредил о том, что собирается каждое утро будить Барни, запрыгивая на кровать и вылизывая ему лицо, пока оно все не становилось липким от собачьих слюней.

— Гастер, пожалуйста! Я сплю!

Конечно, это была неправда. Это были всего лишь беспочвенные мечтания. Но Барни проводил большую часть своей жизни в беспочвенных мечтаниях, и в этом-то и была его беда, как мы скоро увидим.

Сегодня был его двенадцатый день рождения, но это его не очень радовало. Ведь это был его первый день рождения без папы.

В придачу ко всему это был его первый день рождения в дурацкой новой школе. А в школе царила мисс Хлыстер, директриса, которая, судя по всему, явилась на свет из самого ада. Он не был уверен, что это ее точный адрес, но почтовый индекс определенно совпадал. В общем, мисс Хлыстер была кошмаром. И она терпеть не могла детей.

— Моя работа подобна работе садовника, — так говорила она однажды на собрании. — Вы — сорняки. И мой долг — срезать вас на корню, выпалывать и делать свой сад безупречным и тихим — таким, какой была бы школа, не будь в ней всех этих кошмарных детишек. — Но если всех остальных учеников мисс Хлыстер просто не любила, то к Барни она, похоже, питала особую ненависть.

Не далее как на прошлой неделе с ним произошла одна неприятная история, в результате которой его вместе с Гэвином Иглом вызвали в директорский кабинет.

Гэвин Игл подложил канцелярскую кнопку на стул Барни, и тот, сев на нее, завопил от боли. Учитель географии отправил их обоих в

кабинет мисс Хлыстер. Но как только они зашли к ней, она тут же отослала Гэвина обратно на урок и обратила всю свою злость на Барни. Если бы на кнопку сел кто угодно другой, мисс Хлыстер с восторгом обрушилась бы на Гэвина (или «этого тупицу», как она его называла), — но сейчас этим кем угодно был, к сожалению, Барни.

Так что теперь Гэвин мог и дальше безнаказанно подкладывать кнопки на стул Барни. Или, если у него кончались кнопки, просто отодвигать стул Барни за секунду до того, как тот собирался на него сесть. Да, Гэвин прочитал главу «Пытки стулом» в «Справочнике задиры» по меньшей мере сто раз.

Так что со всеми этими мисс Хлыстер и Гэвинами Иглами Барни не хотел и думать о том, что ждет его сегодня. Ему просто хотелось лежать, не открывая глаз, и делать вид, что утро еще не настало. А это было трудно, учитывая, что его лицо облизывал шершавый мокрый язык.

Он натянул на голову пуховое одеяло, но даже это не остановило Гастера. Сунув морду под одеяло, он уткнулся мокрым носом в щеку Барни.

Затем, как и каждое утро, послышался мамин голос:

— Поднимайся, Барни! Я понимаю, что сегодня твой день рождения, но пора вставать. Я опоздаю в библиотеку!

Деваться было некуда. Барни выполз из кровати и прошел в коридор. По дому, словно ураган, носилась мама. Затем он умыл, почистил и надел все, что следовало умыть, почистить и надеть, и спустился вниз.

Гастер настойчиво тыкался носом ему под коленки. Барни посмотрел на висящие коричневые уши пса и горделиво вздернутый носик и сказал со вздохом:

— Ладно, малыш. Идем гулять.

БЫТЬ КОТОМ

— Если ты правда хочешь собаку, будь готов к тому, что тебе придется о ней заботиться, — сказала мама пять лет назад перед тем, как они привезли Гастера домой из собачьего приюта. — Ее нужно будет выгуливать два раза в день.

Вообще-то Барни был совсем не против гулять с Гастером. Обычно это составляло самую приятную часть дня, особенно если погода была приличной. Но сегодня не успел Барни устроиться на скамейке в парке, ожидая, пока Гастер сделает все свои дела, как полил дождь. Сильный ливень нагло хлестал с неба, наплевав на то, что Барни забыл дома зонтик.

— Отличный день рождения, — пробормотал Барни, пристегивая поводок к ошейнику Гастера.

Он знал, что нехорошо жалеть себя, но ничего не мог с собой поделать.

По пути домой он прошел мимо дома на улице Фрайри, где в окне сидел серебристый кот, уютно и самозабвенно потягиваясь. «Вот бы стать котом, — подумал он. — Это было бы так просто. Никакой школы. Никакого Гэвина Игла. Не нужно вставать в семь утра. Полная свобода. И в отличие от собаки кошке даже не нужно выходить из дома, если идет дождь».

Пока в голове его пробегали все эти мысли, кот повернулся к нему, и Барни узнал его: он уж не раз его видел в этом окне. У кота был всего один глаз. Вторая глазница была зашита белыми нитками, такими толстыми, что их можно было разглядеть даже с улицы.

Гастер тоже увидел кошку, рванул поводок и залился лаем.

— Перестань, Гастер, не будь идиотом. Знаешь ведь, что я тебя не отпущу.

У самого дома Барни столкнулся с почтальоном.

— Есть что-нибудь для семнадцатого дома? — спросил он.

Почтальон пролистал пачки писем.

— Есть. Вот, пожалуйста.

Барни взял конверты и торопливо их просмотрел. Поздравительная открытка от тети Силии и три счета в коричневых конвертах. И ничего

от папы. Он, конечно, знал, что от него вряд ли что-то придет, и понимал, как глупо надеяться вдруг увидеть до боли знакомый почерк... Но если папа был еще жив, то — Барни был уверен в этом — он бы точно прислал ему весточку в его день рождения.

Но нет. Ничего.

— О нет, опять счета, — вздохнула мама, забирая у него письма.

— Да ладно тебе, мам, — сказал Барни, стараясь ее успокоить.

Мама на бегу чмокнула его в щеку и открыла дверь.

— Я сегодня поздно вернусь, — сказала она. — У нас собрание. Буду часиков в семь. Если проголодаешься, в холодильнике есть салат.

Салат?!

В день рождения?!

Конечно, Барни не рассчитывал на обед из десяти блюд и полет на воздушном шаре или на что-нибудь еще в этом духе. Но все-таки он ожидал чего-то большего, чем тоскливый вечер наедине с латуком и домашним заданием.

Он смотрел, как мама садится в свой «Мини-Купер», и не мог избавиться от чувства, что она уже не человек. Она превратилась в какое-то неясное пятно, которое было вечно в движении и только время от времени останавливалось, чтобы тяжело вздохнуть.

Она уехала.

А Барни стоял на пороге, глядя на дождь и мечтая о том, чтобы папа сейчас был рядом.

— Эй, выше нос, мистер Ив, тебе всего двенадцать, — раздался голос. — Ты еще не такой уж старик!

Голос принадлежал Риссе Фейриветер. Барни поднял голову и увидел свою лучшую подругу, которая ухмылялась с высоты своего роста и держала в руках пятнистый, как леопард, зонтик.

— Привет, Рисса, — сказал он и улыбнулся в первый раз за это утро.

Рисса Фейриветер

— Сама сделала, — сказала Рисса, протягивая Барни открытку. — Знаешь, иногда так скучно бывает сидеть на барже, когда не видно звезд.

Ах, да, дорогие читатели. Я должен признаться вам — и для этого мне придется нарушить свое обещание и снова вмешаться в рассказ (я не очень хорошо умею хранить обещания: у меня от них все начинает чесаться), — что лучшая подруга Барни была не совсем обычной девочкой. Она и правда жила на барже. И у нее не было телевизора. Вместо этого у нее был телескоп, и по ночам она чаще всего занималась тем, что рассматривала созвездия (до встречи с Риссой Барни думал, что Пояс Ориона — это предмет одежды).

Вы, наверное, думаете, что такую девочку должны дразнить в школе. Телевизора нет. Странное хобби. Живет на барже. Прическа как у пирата. Да еще в придачу ко всему она была по крайней мере на целый фут выше всех своих сверстников.

Но нет.

В отличие от Барни, жизнь которого была ежедневным мучением благодаря Гэвину Иглу и его друзьям, Рисса на сто процентов была защищена от обидчиков. Хотите узнать ее секрет? Ей было искренне плевать, что про нее болтают. В сущности, ей даже нравилось, когда ее обзывали. Ей тогда казалось, что она сияет изнутри.

В первый же день в Блэнфорде она услышала, как ей вслед кричат: «Чудачка!» и «Баржа!», но она в ответ только улыбнулась. Она всегда вспоминала мамины слова: «Если люди тебя дразнят, это значит, что

они видят в тебе что-то, что их пугает. Что-то особенное, чего у них самих, возможно, нет и что сияет в тебе, словно драгоценный камень».

И когда кто-то ее дразнил, Рисса всегда представляла, что изумруд внутри нее становится еще более чистым и сверкающим. А когда что-то ее сильно беспокоило, она бормотала про себя слово «мармелад» (это была ее любимая сладость).

Звучало это довольно глупо, но этому способу ее научил папа, и способ отлично работал.

Что-то я заговорился.

Вы, наверное, недоумеваете, какое это все имеет отношение к волшебным кошкам, да? Я вижу это по вашим лицам.

Что ж, еще минута, и мы перейдем к этому. Или сто минут. Все зависит от того, насколько быстро вы читаете. А пока давайте вернемся к нашему рассказу и послушаем, как Барни провел свой день рождения. Для этого достаточно просто взять расписание. *Hasta luego.*

Как Барни провел свой день рождения. Расписание

8.30–9.00

Барни вместе с Риссой дошел до школы. По дороге его окатил грязью школьный автобус. Все, кто был в автобусе, выглянули в окна и загоготали, включая Гэвина Игла, который закричал: «Берегись, лужа!» — и так расхохотался, словно только что сказал Лучшую Шутку на Свете.

9.00–9.30

Заместитель директора мистер Ваффлер третий раз за год побил свой собственный рекорд в номинации Самые Скучные Школьные Собрания, рассказав о разных типах мха, который он обнаружил на выходных в Озерном краю.

9.30–10.30

Математика. (Да-да, математика...)

10.30–11.00

Перемена. Во время которой приятная беседа с Риссой была прервана Гэвином Иглом, заоравшим: «Это что, твоя девчонка?» На что Барни сдуру решил ответить: «Нет», и тогда Гэвин заявил в ответ: «Я не с тобой говорил, а с Риссой». И Барни ничего не оставалось, кроме как пробормотать себе под нос: «Забавно».

11.00 — полдень

География. На которой Гэвин блестяще проявил свое мастерство в выдергивании стула из-под Барни, пока миссис Фоссил рассказывала про вулканы.

Полдень — 13.00

Барни пообедал недоваренными макаронами с переваренным соусом «Болоньезе». Потом поболтал с Риссой, которая рассказала ему кое-что про звезды и про то, что Солнце — ближайшая к нам звезда —

постоянно растет и однажды превратится в красного гиганта, жар которого уничтожит всю Землю. Все это было бы очень интересно, если бы Барни не мучил жар другого происхождения, буравящий его затылок: все это время мисс Хлыстер пристально смотрела на него сквозь маленькое окошко в двери столовой.

13.0–14.00

Английский. На котором мистер Ваффлер сетовал на плохую успеваемость Барни. («Какой позор для мальчика с таким хорошим воображением!»)

14.0–15.00

Компьютерный класс. Где Гэвин и его команда, судя по всему, что-то задумали, потому что сидели на сайте с подозрительным названием: www.kakpodstavitludejpoimenibarneywillow.com.

15.0–16.00

Французский. На котором Гэвин с друзьями по загадочным причинам отсутствовал. Примерно в 15.00 Барни вышел в туалет. Когда он шел по коридору, сработала пожарная сигнализация. Повернувшись, Барни увидел мисс Хлыстер, уставившуюся прямо на него.

— У тебя большие неприятности, Барни Ив!

— Это не я! Вы же видите, я даже близко не подходил к сигнализации.

Через десять минут, когда все выстроились в линейку на спортивной площадке, мисс Хлыстер подошла к Барни Иву и строго проговорила ему на ухо четыре самых страшных слова на свете:

— В мой кабинет. Живо.

Подставка для ручек в кабинете мисс Хлыстер

Нестерпимо воняло рыбой. Запах как будто бы исходил от стола мисс Хлыстер, хотя на нем не было ничего, кроме распечатанного письма и подставки для ручек.

Подставка была какой-то чудной. Черная, с двумя отверстиями, которые тарацились на него, словно глаза.

Мисс Хлыстер приказала ему ждать ее здесь: ей нужно было выйти по каким-то делам.

Он понимал, что, когда она вернется, его ждут серьезные неприятности. И он знал, что письмо, лежащее на столе, поможет ему